

АННА УГРЮМОВА

ДОЛГИЙ ПУТЬ К СЕБЕ

ИСПОВЕДЬ ЖЕРТВЫ АБЪЮЗА

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Анна Угрюмова
Долгий путь к себе.
Исповедь жертвы абьюза
Серия «1000 инсайтов»

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68975085
SelfPub; 2024*

Аннотация

Если ты не понаслышке знаешь, кто такой абьюзер, если ищешь слова поддержки, то непременно найдёшь их на страницах этой книги. Пусть она станет тебе трамплином для действий, на которые ты не можешь решиться. Я знаю, это нелегко. Когда ты долгие годы живёшь рядом с тем, кто считает тебя пустым местом, то не видишь выхода сквозь сплошной туман из собственных страхов. А выход есть. Я его нашла. Я покажу тебе путь.

Содержание

Заключение клинического психолога	4
Предисловие	7
Часть 1. Я и моя семья	15
Конец ознакомительного фрагмента.	62

Анна Угрюмова

Долгий путь к себе.

Исповедь жертвы абьюза

Заключение

клинического психолога

У насилия нет возраста, пола, религии и... конца.

Ещё пару лет назад женщины молчали о насилии в семье. Было стыдно, зазорно, больно признаться людям в том, что ты стала жертвой. Жертвой человека, которого сама выбрала для себя. Проще было подобрать тональник, который точно замажет синяки, и дальше играть в счастливую семью.

Я рада, что сейчас женщины выходят из тени страха, осуждения и собственной боли. Говорить об этом, проживать это, получать поддержку – это всё уже огромный и смелый шаг к состоянию «я больше ничего не боюсь», которое наступит чуть позже. Обязательно наступит, хоть и кажется, что это похоже на сказку.

Анна прислала мне книгу, попросила прочитать и сказать, что я думаю. Я решила посвятить этой книге всю себя: устроилась поудобнее с ароматным чаем, о котором вскоре забы-

ла. Я вся прониклась эмоциями Анны. Будто прошла этот путь рядом с ней. Будто сидела с ней на кухне и слушала о её жизни.

Книга Анны совершенно точно для женщин. Для тех, кто столкнулся с любым насилием. Для тех, кто не знает, что это такое, но имеет огромное сердце и умеет сострадать. Она точно не для людей, у которых «такого никогда бы не случилось».

Очень важно понимать, что с любым видом насилия каждый из нас может столкнуться где угодно. Для этого необязательно ходить ночами по тёмным переулкам. Иногда для этого достаточно выйти замуж за любимого человека. Или не сепарироваться вовремя от властных родителей.

Мой опыт работы с жертвами насилия даёт мне право транслировать очень важную мысль: в том, что насилие случилось, не виновата жертва. Никогда. Ни травмы из детства, ни отсутствие отца, ни короткая юбка. Человек человеку не палач. Быть такого не должно.

Оправдания насилию нет. Терапия не начинается с обвинения себя. Терапия начинается с желания выпустить всю эту боль, позаботиться о том, об кого вытирали ноги и унижали – о себе!

Книга Анны про её путь от маленькой девочки до женщины. Эта женщина оставила в прошлом то, о чём многие боятся говорить. Анна смогла. Она падала, поднималась, её внутренний стержень надламывали, её лишали базового чувства

безопасности, но она карабкалась из последних сил.

Такие книги жизненно необходимы нашему обществу, которое ещё не до конца понимает, что такое эмоциональное, физическое, сексуализированное и сексуальное насилие. Такие книги нужны тем, кто пережил в своей жизни подобное. Чтобы знать, что это не только у них так. Такие книги нужны тем, кто сейчас существует в подобном. Чтобы у них были силы вырваться.

Насилие – это самое ужасное преступление против личности. Это планомерное уничтожение целостности человека, это покушение на его душу, здоровье и жизнь. Ни один психологически стабильный и зрелый человек не будет играть во властителя над чужой жизнью. И книга Анны нам напоминает об этом.

Анна пережила слишком много для одного человека, она до сих пор восстанавливается. А эта книга – её вклад в свою терапию, здоровье её детей и помощь тем, кому эта помощь необходима.

Если вдруг вы захотите поделиться своей историей или же написать Анне пару тёплых слов, то сейчас самое время.

Берегите себя.

*Клинический психолог **Елизавета Пэма***

Предисловие

«Чем больше мы предпочитаем не говорить о домашнем насилии, чем больше мы уклоняемся от этой проблемы, тем больше мы теряем».

Рассел Уилсон

После того, что я прошла – а это огромный путь от насилия, потери себя, мыслей о суициде до обретения себя – я отважилась написать эту книгу.

Я верю, что моя история принесёт пользу тем, кто находился ранее или до сих пор находится в абьюзивных отношениях. Кому, как и мне, не хватало в детстве любви. Кто неосознанно повторяет такое же отношение к своим детям. Кто боится выбирать себя.

Я хочу, чтобы эта книга стала опорой слабым и не верящим в свои силы, той самой соломинкой утопающим в страхе и боли, поддержкой тем, кто находится на новом этапе – перешагивает этот опыт и оставляет его в прошлом.

Когда вступаешь в первый брак, то всё видишь с подсветкой идеальности: смотришь через розовые очки, питаешь иллюзии по поводу семейных отношений, многим действиям партнёра находишь оправдание. И не замечаешь, как стирается граница между тем, что является нормальным в отношениях, а что нет.

Когда всё, что ты говоришь, твой партнёр считает глупым и неуместным, ты с этим соглашаешься. Когда изо дня в день тебе повторяют, что ты пустоголовый, что все беды из-за тебя, то рано или поздно ты сам в это веришь.

Из всех форм насилия самое сложное – эмоциональное. Его бывает очень сложно распознать. Низкая самооценка жертвы опускается ещё ниже. Жертва сомневается в реальности происходящего с ней, она не уверена, что воспринимает всё правильно. Цель эмоционального насилия – контроль и власть над жертвой. Оскорбительные слова, угрозы, ревность – это оружие, при котором насильник добивается своего.

Человек, который совершает насилие над своей жертвой – абьюзер. Им может оказаться кто угодно: родственник, коллега, друг или подруга, возлюбленный.

Есть кое-что, на что абьюзер подсаживает свою жертву, чтобы она не сбежала на ранних этапах отношений. Он устраивает ей эмоциональные качели: после вспышек гнева, оскорблений или каких-либо насильственных действий, он неожиданно становится идеальным, начинает заботиться, уделяет много внимания, дарит подарки и цветы.

В моменты его хорошего настроения жертва заталкивает боль и обиду поглубже, снова верит в лучшее и убеждает себя, что худшее больше не повторится.

На начальном этапе абьюз очень сложно распознать, а хорошее поведение легко списать за истинную и искреннюю за-

боту.

Проходит время, и ты привыкаешь к этим качелям, в твоей голове уже сформировываются твёрдые убеждения: «Я боюсь остаться одна», «Это твой выбор – терпи!», «Кому ты будешь нужна с детьми?», «Кому будут нужны твои дети?», «Детям нужен папа, а что может быть лучше родного отца?», «Мне некуда идти, остаётся терпеть!»

Ведь когда-то бабушка говорила: «Это твой муж, каким бы он ни был – надо терпеть», «Ты сама его выбрала», «Если бьёт, то любит» и много-много других фраз, которые обесценивают тебя и ситуацию, в которой ты находишься.

Ты испугана и растеряна, чувствуешь злость и вину. И это нормальная реакция на жестокое обращение.

Абьюз – это не только открытое физическое насилие, боль и травмы. Когда тебя шлёпают, дёргают за волосы, толкают и беспричинно оскорбляют – это тоже признаки абьюза.

Есть и другие формы абьюза:

эмоциональный – психологическое насилие, к которому относятся оскорбления и доведение до слёз словами, угрозы, запугивания, критика, осуждение и т.п.;

экономический – это когда жертву делают полностью зависимой от удовлетворения материальных потребностей, например, через еду, одежду и т.д.;

социально-изолированный – насильник изолирует свою жертву от общества;

сексуальный – это когда партнёр принуждает жертву к сексу без её согласия, либо, ещё хуже, когда для удовлетворения своей половой потребности, партнёр применяет физическую силу, что, считается изнасилованием.

Насилию может подвергнуться любая женщина, и это не зависит от её возраста, происхождения, семейного положения, социального статуса.

Признаться в том, что тебя почти ежедневно на протяжении длительного времени насилуют, – страшно и неприятно. Жертва не может обратиться за помощью, ей кажется, что это чревато серьёзными последствиями. Ведь партнёр ведёт себя в обществе культурно, не выставляет на всеобщее обозрение свою другую сторону, которую видит жертва, его считают положительным человеком, заслуживающим уважения.

Жертве сложно доказывать свою правоту, окружающие ей не верят. Да и верит ли она себе? Ей кажется, что после того, как она скажет кому-нибудь хоть слово, насильник ещё сильнее ожесточится по отношению к ней. Скорее всего, оно так и будет: абьюзер почувствует, что жертва предпринимает попытки вырваться из его сетей, поэтому только усилит свою хватку.

Ошибка – держать всё в себе и прекратить попытки к бегству. Необходимо сделать эти шаги, чтобы снова вернуть се-

бе себя.

Конечно, ты привыкла к такому поведению, ты потеряла себя, но силы выживать ещё откуда-то есть, возможно, последние капли. Самое ужасное в этом всё то, что, хоть и максимально стараешься создать менее травматичные условия для детей, ты не находишь силы на борьбу, на защиту себя и детей, на твёрдое: «Так со мной нельзя! Так с нами нельзя!»

Ты никогда не знаешь, в каком настроении придёт домой муж-тиран. Его настроение меняется молниеносно: он из раздражительного и всем недовольного в секунды может стать любящим и внимательным.

У тебя слабеет чувство собственного достоинства, не хватает энергии на борьбу, ты не находишь силы, чтобы обратиться за помощью, потому что тебе страшно признаться кому-то чужому, что ты позволила оскорбить себя, причинить себе физическую боль. Ты боишься, что тебе не поверят, осудят, высмеют.

Ты годами ищешь свою вину в таком отношении и поведении партнёра, не решаешься обнародовать эту проблему. Ты чувствуешь себя в ловушке.

На самом деле, абьюзер манипулирует своей жертвой настолько, что заставляет её думать, будто бы она заслужила такое отношение к себе.

Мама, подвергающаяся жестокому обращению, может накормить ребёнка, позаботиться о его чистоте, одежде, но не

может в полном объёме дать ему свою любовь, внимание и заботу. Ребёнок в таком случае становится одиноким. Живёт в страхе, тревоге, дистанцируется от родителей.

Факторами риска домашнего насилия могут быть:

личная история домашнего насилия – когда в твоей семье насилие между родителями было нормой;

юный возраст жертвы – дети, юная жена;

низкий уровень образования жертвы;

традиционные гендерные нормы: мужчина – глава семьи, слово мужчины – закон, «бей бабу молотом, будет баба золотом»;

нездоровые отношения в семье – без уважения, любви и доверия.

Однажды я поняла кое-что важное, что стало стержнем в продолжающейся борьбе за мою правоту. И теперь я хочу донести это до того, кто в данный момент нуждается в поддержке.

Я осознала, что если не разорву порочный круг, мои дети могут продолжить крутиться в колесе насилия. Они будут повторять мои ошибки, будут выбирать то, что в своё время выбирала я.

Именно желание не допустить этого каждый раз придаёт мне силы дойти до финишной черты. Я попросту не имею права сдаться.

Любое ненормальное отношение к себе, будь то оскорбления или физическое насилие, лучше фиксировать – снимать на камеру, записывать на диктофон. Конечно, в моменте об этом не думаешь, но всё это – доказательство правоты жертвы и абьюза в её адрес.

Потом на судах мне очень не хватало доказательств того, что совершал бывший муж в отношении меня и наших детей. Я жалела, что не позаботилась о подтверждении насилия. Но тогда, когда всё происходило со мной, у меня не было на это сил и не было рядом человека, который бы встал на мою сторону и подсказал, как и в каком направлении мне идти.

Я очень надеюсь, что, прочитав мою историю о жизни с насильником (по-другому я не могу назвать этого человека) и выходе из токсичных отношений, ты, которая находишься в такой же ситуации, воспрянешь духом и поверишь в себя, в свои силы и возможности. Что ты подумаешь о детях, о том, в какой атмосфере и обстановке они растут, что видят, чему учатся, что принимают за норму, ведь именно от этого они будут отгалкиваться в дальнейшем при выборе своего партнёра, при построении своей семьи, при выстраивании отношений со своими детьми.

Задай себе всего один вопрос: «Я хочу, чтобы мои дети жили так же?» и, если ответ будет: «Нет!» – тогда действуй!

Пусть это будет твоей отправной точкой, точкой невозврата.
У тебя всё получится! Я в тебя верю.

Дорогая, ты не одна. Выход есть.

Часть 1. Я и моя семья

«Главный смысл и цель семейной жизни – воспитание детей.

Главная школа воспитания детей – это взаимоотношения

мужа и жены, отца и матери».

В. А. Сухомлинский

Глава 1. Моё детство

Я родилась в небольшом северном городке Воркута в 1981 году. Этот город для меня лишь точка на карте, так как я его совершенно не помню.

Здесь же родился и вырос мой папа. В молодости папа был таким: среднего роста, гармоничный и подтянутый, с правильными чертами лица. Скромный, молчаливый, любил тишину и уединение. Про таких обычно говорят: в тихом омуте черти водятся. Папа работал сотрудником правоохранительных органов и был скупым на проявление каких-либо чувств.

Мама родилась в сельской местности. В молодости мама была такая: невысокого роста, стройная, носила короткую стрижку и, в отличие от папы, была очень весёлая и заводная. Про таких говорят: душа компании. Работала мама в Доме Культуры.

Познакомились мама с папой в один из папиных отпусков, когда он приехал на родину своих близких родственников.

Здесь жила его бабушка и родители, которые, выйдя на пенсию, вернулись из северного города обратно.

На танцах в клубе папа заметил маму – такую привлекательную и озорную, его пленили её глаза, улыбка и он без промедления познакомился с ней. Маме тоже приглянулся городской красавчик.

Они настолько понравились друг другу, что через неделю сыграли свадьбу. Отпуск был небольшой, а расставаться им уже не хотелось.

Папина мама, моя бабушка, была очень недовольна выбором сына и такой скорой женитьбой. Но деваться было некуда, она души не чаяла в своём мальчике и помогла организовывать торжество.

Свадьбу играли в их деревне, гостей было немного, только самые близкие. Папина бабушка, моя прабабушка, тогда шепнула моей маме на ухо, что тяжело придётся ей в этой семье. Но мама не прислушалась к словам старушки. Слишком всё красиво и хорошо складывалось. Мама так была счастлива с папой, что не обращала внимания на его недостатки, а какие замечала, надеялась исправить. На то, что он много пил по семейным праздникам, она закрывала глаза. Ей казалось это нормой, ведь её отец по молодости тоже любил выпить. Да и пил новоиспечённый муж не так часто, как многие парни из её окружения. К физическому труду не был приучен и тяжелее мусорного ведра ничего ранее не поднимал. Она сама стремилась научить его выполнять тяжёлую работу

по дому, надеясь, что привьёт мужу любовь к труду. Мама искренне считала, что папа «не такой, как все»: культурный и образованный. Она верила, что ради неё он изменится, что их семья будет счастливой, а пророчество бабушки о тяжести семейной жизни – не сбудется.

Праздник закончился, гости разъехались, отпуск подходил к концу. Обрато на север папа возвращался уже женатым человеком. Была ли любовь между мамой и папой? Я не знаю. В первые годы жизни между ними, скорее всего, были нежные чувства, влюблённость, страсть. Фотографии тех времён передают это. На снимках они выглядят счастливыми. Мама всегда с нежностью в голосе рассказывала о жизни в северном городке.

Через девять месяцев после свадьбы появилась я.

Несмотря на то, что я была относительно здоровым ребёнком, педиатр рекомендовал для меня более мягкие климатические условия. Поэтому родители решили вернуться в область, где они познакомились, поближе к своим родителям. Поскольку папа был участковым инспектором, нашей семье дали жильё в небольшом селе, маме удалось найти работу в местном Доме культуры, а я пошла в детский сад.

Тот период я почти не запомнила и знаю о нём лишь из рассказов родителей. Мама говорила, что в детском садике ребята очень обрадовались приходу в их группу городской девочки, которая была для них необычной, с другими манерами, нарядами. В детский сад чаще отводил меня папа, за-

бирал тоже он.

Вспоминается раннее морозное утро, ещё совсем темно, папа меня, полусонную и укутанную в тёплую одежду так, что повернуться можно было только всем телом, посадил в кабинку санок¹ и повёз в садик. Папа не спеша тянул санки, а я, укутанная утренней зимней дрёмой, сидела в своём укрытии из фанеры. Внутри тепло и уютно, а в маленьком окошке виднелись папин силуэт, фонари, заснеженные верхушки деревьев, слышен монотонный гипнотический хруст снега. Безмятежная безопасность, спокойствие и ощущение, что так хорошо мне будет всегда.

В тот период я чувствовала от родителей заботу, любовь и тепло. Иногда перед сном они по очереди читали мне книжки: мама торопясь, не вникая в текст, но мне было спокойно от того, что она рядом, а папа читал выразительно и эмоционально, его бархатный голос завораживал, пока я от усталости не засыпала. Каждый вечер я в предвкушении ждала, что кто-то из родителей снова мне почитает, побудет со мной рядом, пока я засыпаю. Сейчас я понимаю, что тогда мне было неважно, какую книгу они читают, важна была забота и их присутствие. Они нечасто читали мне перед сном, но я благодарна им и за те случаи, которые были. Тепло от подобных моментов навсегда поселяется в детской памяти. И чем больше таких моментов, тем больше тепла.

¹ Такие санки были у многих: из фанеры делалась кабина с открывающейся крышей, стеклянным окном, крепилась на обычные санки (прим. автора).

Помню случай, когда родители улетели на несколько дней в Ленинград (ныне Санкт-Петербург), а меня увезли к бабушке (папиной маме) в деревню. Я очень скучала по маме с папой, плакала, ждала их возвращения. Мне их сильно не хватало. Бабушка же говорила: «Ну, выдумала тоже, никуда твои родители не денутся. Рёва какая». От её слов спокойнее мне не становилось. Наоборот, зарождалось ощущение, что родители меня бросили.

В деревне, где жила бабушка, были установлены правила: та семья, в которой имелся крупный рогатый скот, неделю пастушит всех местных коров – и так каждая семья по очереди. У бабушки была корова Зорька, рогатая, чёрная с белыми пятнышками на теле, огромными глазами и мокрым шершавым языком. Когда наступила бабушкина очередь пастушить коров, ей пришлось взять меня с собой в поле, так как не с кем было оставить дома. Коров набиралось много, не один десяток. Их громкие мычания, звуки привязанных к толстым шеям колокольчиков и шлепки длинных хвостов по своим бокам от надоедливых паутов я помню до сих пор.

Поле, на котором мы пастушили, было на окраине деревни. Задача наша состояла в том, чтобы коровы не забрели далеко, не сбежали, а в целости и сохранности, наевшиеся сочной зелёной травки, вернулись домой на обеденную дойку, а после мы их вели обратно в поле до вечера. Погода была переменчива, то выходило солнышко и становилось очень душно, а пауты с надоедливими мухами так и липли к оголённой

местами коже, то неожиданно начинался тёплый дождик. Бабушка говорила, что такая погода к грибам. Неожиданно я увидела приближающихся маму и папу. Они приехали! Они вернулись! Мои глаза налились слезами и я, совершенно ничего не видя перед собой, побежала к ним навстречу.

Я хорошо запомнила этот момент. Запомнила эмоции. Меня взяли на руки, обняли и посмеялись над тем, что я плакала. Мы пошли домой, а бабушка осталась в поле с коврами.

Родители привезли мне из Ленинграда подарок: маленькую белую кружечку – эмалированную и с каким-то рисунком. Как же я была рада их приезду и этому подарку! Я не одна, рядом со мной любящие люди, они не бросили меня.

Иногда в моей памяти всплывают моменты из детства, где я ощущаю себя в безопасности, где мне достаточно родительской любви и их внимания, где я счастливый ребёнок. Я знаю, что маленькую меня замечали. Слышали. Любили.

Глава 2. Рождение брата

Примерно через год после нашего переезда родился брат. Мама рассказывала, что на каком-то празднике, будучи беременной Пашей, она выпила немного шампанского и стала танцевать, после чего у неё начались преждевременные роды. Паша родился на двадцать восьмой неделе, у него был маленький вес и проблемы с дыханием. Сразу после родов его санавиацией транспортировали в областной центр, так как в районной больнице не было хороших условий для дан-

ного случая. Брат был желанным ребёнком, но с его преждевременным появлением для семьи настал сложный период.

Несколько месяцев мама с Пашей лежали в больнице. Меня на это время отвезли в соседний посёлок к маминим родителям. Я хорошо помню своё нахождение у них: четырёхлетняя Анечка в ситцевом платьице, поверх которого была накинута кофточка на пуговках, на голове повязан платок, а на ногах – резиновые сапожки, с маленьким ведёрком в руках помогает дедушке собирать выкопанную картошку и носит её в подполье. Бабушка же тем временем сидела на лавочке, обреза́ла лук и пела частушки.

Я не помню, чтобы папа приезжал навестить меня. Может быть, у него было много работы и совсем не находилось времени. А может, он был спокоен: ведь мамини родители любили внучку и не могли причинить ей вреда. Но так же может быть, что папа просто не хотел приезжать.

О родителях я вспоминала редко, бабушка и дедушка развлекали как могли, мне было спокойно с ними. Иногда перед сном хотелось к маме, но бабушка крепко прижимала меня к себе и начинала рассказывать смешные истории, я переключалась и уже не грустила.

Однажды дома, уже через какое-то время, когда мама вернулась из роддома, а я от бабушки с дедушкой, брат перестал дышать, весь посинел и обмяк у мамы на руках. Была суета: мама плакала, а папа нервничал. Родители трясли брата, стучали по спинке, а когда он начал дышать, побежали за ме-

дицинской помощью. Вспоминая это сейчас, я понимаю, что родители спасли брата и всё сделали правильно. Я же, перепуганная до смерти за брата, за себя, за родителей, с замиранием сердца наблюдала за происходящим и не знала что делать.

В тот день мне показалось, что мир для меня обрушился. Родители были с братом, а я очень нуждалась в том, чтобы в общей суеде кто-то близкий и родной был рядом, обнял и сказал: «Анечка, тебе страшно сейчас, но я рядом. Всё будет хорошо!»

Но этого не произошло – ни тогда, ни много позже.

Маму с Пашей опять увезли в больницу.

После того случая моя жизнь изменилась навсегда. Маленькая четырёхлетняя девочка вынуждена была повзрослеть. Одиночество и безысходность поселились во мне, а отношения с родителями и братом стали отдалёнными.

Паша был очень болезненным ребёнком, поэтому всё свободное время и своё внимание родители уделяли ему. А я, чтобы получить мамину улыбку и папину похвалу, старалась быть удобной, самостоятельной и послушной. Уже тогда за любую мою шалость родители награждали меня строгим взглядом и нотациями, напоминая, что я старшая и должна вести себя соответствующе. А мне всего-то хотелось, чтобы мама хоть иногда меня крепко обнимала, держала на руках, играла со мной и ходила гулять как с Пашей, а папа замечал, что я есть.

У нас с братом тёплых отношений не получалось – ни в детстве, ни когда мы выросли. Мало того, что всё внимание уделяли ему, так он ещё умудрялся задирать меня. А когда получал за это, мама наказывала не его. По её словам, я была старшей и не должна была на него реагировать.

Сейчас я понимаю, что с моей стороны это было всего лишь привлечение внимания мамы. Любого, пусть даже негативного, но внимания! Такое отношение вбило клин между мной и братом. И даже теперь, когда мы выросли, тень прошлого всё равно лежит между нами. Сейчас я понимаю то, что не понимала тогда: у мамы на меня просто не оставалось времени и сил, так как всё было на ней: домашние обязанности и болезненный Пашка. Папа как будто замкнулся в своей скорлупе, не обращал внимания на жену и детей, не помогал с воспитанием и домашними делами.

Гиперопека, чуткое и внимательное отношение родителей (особенно мамы) к брату и безразличие ко мне стало результатом того, что я не испытывала к Паше тёплых чувств в детстве. Сейчас-то я знаю, что брат в этом не виноват. Это ошибка родителей, что между братом и сестрой образовалась стена.

Я знаю, каким бы человеком ни был мой брат, – он моя родная душа, моя частичка, которой я дорожу. Сейчас брату почти сорок лет, он один, так и не реализовался в жизни. После неудачных отношений он вернулся к родителям и на протяжении десяти лет заливал горе алкоголем. К спиртному

он пристрастился после окончания школы, на эту привычку наложились слабохарактерность и отсутствие цели. Брат ведёт себя так оттого, что родители много лет акцентировали внимание на его болезненности. При любом удобном случае подчеркивали, что он особенный. Гиперопека и модель поведения отца тоже наложили на его жизнь серьёзный отпечаток.

В своей нереализованности брат в моменты сильнейшего алкогольного опьянения обвинял родителей, это проще и удобней всего, ведь, перекладывая ответственность на других, не нужно становиться взрослым, не нужно трудиться над собой и устраивать свою жизнь. Проще простого ждать, когда жизнь сама изменится к лучшему.

В детстве всегда было так: все желания и прихоти брата исполнялись, стоило только ему покапризничать. Он же особенный, ему нужно в первую очередь. И теперь Паша абсолютно не готов к тому, что во взрослой жизни так просто ничего не достаётся. Взрослым быть сложнее, взрослому приходится брать ответственность за свою жизнь.

Когда была объявлена частичная мобилизация в стране, брат, как и многие, тоже получил повестку. Его многочисленные проблемы со здоровьем не стали основанием для того, чтобы не оказаться в рядах мобилизованных. Хоть и принудительно, но ему пришлось сделать шаг в сторону сепарации, в сторону взрослой жизни.

Я не теряю надежды, что брат вернётся домой живым, здо-

ровым и с другим взглядом на мир.

Паша, милый мой брат, я верю в тебя и люблю.

Глава 3. Папина семья

После рождения Паши папа стал отдаляться от семьи. Он жил с нами, но как посторонний. Мама, уставшая от проблем с сыном и забот о нём, стала меньше уделять времени себе, больше не была такой лёгкой и весёлой девчонкой, какой была до замужества и в первые годы брака. Она уже меньше внимания уделяла папе, да и то, что уделяла, было не таким, которого ему хотелось.

Уже тогда папа всё чаще позволял себе приходить домой в алкогольном опьянении. Из-за этого родители ссорились, а иногда даже доходило до драк. В такие моменты мы с Пашей прятались в комнате. Крики и слёзы мамы, синяки на её теле я помню, как будто всё это происходило вчера.

Мне было страшно. Я не верила, что папа мог сделать маме больно, но частые скандалы и драки доказывали обратное. Перед сном я каждый раз тихо плакала, папа казался мне чудовищем.

С тех пор во мне поселился страх за себя, за маленького брата, за маму. Я стала избегать отца и общения с ним. Несмотря на то, что была ещё совсем ребёнком, я уже понимала, что тот, кто может оскорбить и причинить физическую боль своему близкому, злой и опасный человек. Его нельзя подпускать близко к себе. Я сама выстроила стену между нами, чтобы оградить себя от папы.

На меня папа тоже поднимал руку, мог ударить по голове, а подзатыльниками одаривал при малейшем раздражении. Когда я пыталась ему возразить, особенно выпившему, мне в ответ летело: «Ша! Заткнись!» И я затыкалась. Много осознанных лет я молчала: замкнулась в себе, утратила право голоса. Разговаривала только с собой и людьми, с которыми чувствовала себя в безопасности, а ещё с животными.

Мама очень редко заступалась за меня. Только тогда, когда я пыталась защитить её от нападков папы и он в этот момент переключался на меня. Вот тогда мама могла оградить дочь от отца.

Помню, папа был очень пьян, когда мама пришла с работы, и между ними мгновенно вспыхнул скандал. Мама кричала на папу, папа кричал на маму, еле выговаривая ужасные слова. Он толкнул её, и она упала, я не выдержала и подбежала к ним, хотела помочь маме, защитить, а папа в этот момент развернулся в мою сторону и замахнулся. От страха у меня перехватило дыхание, но вдруг мама взяла на кухне большой эмалированный ковш и сильно ударила им папу по голове. Тогда мама была в ярости от того, что могла пострадать и я.

Почему он так себя с нами вёл, я не знаю. Возможно, хотел самоутвердиться за счёт слабых.

Семья, в которой вырос папа, была очень трудолюбивой и правильной. Дедушка Паша (папин отец) всегда спокойный, начитанный, с «золотыми» руками, его любили и уважали

все жители деревни. Невысокого роста, сутулый старичок в брючках, рубашке и соломенной шляпке с небольшими полями. Дедушка Паша любил читать, у него была огромная библиотека. Так же дедушка качественно выделывал шкурки животных, из которых потом шил отличные дублёнки, рукавички и даже унты. Я ни разу не видела его раздражённым или несдержанным. Он постоянно шутил, с ним было спокойно. Откуда дедушка был родом, я не знаю. О его родственниках мне также ничего не известно.

Между дедушкой и бабушкой были спокойные ровные отношения, они никогда не ругались, да и вообще разговаривали между собой нечасто. Их отношения больше были похожи на деловые.

Бабушка Маруся (папина мама) худенькая, приятная внешне старушка. Она всегда всё успевала. В огороде всё полито, ни единого сорняка на грядках, у коровы почищено, молоко парное надоено, сметана из него получена, из которой в глиняной крынке взбито очень вкусное сливочное масло. Бабушка хорошо шила и вязала, у неё было несколько швейных машинок. Она была самой старшей среди двенадцати братьев и сестёр. Их отец, мой прадедушка, был жестоким человеком. Много пил, избивал жену, закрывал её в подполье, а зимой, в лютый мороз, мог разбудить ночью всё своё многочисленное семейство и выгнать раздетых и босых на улицу. Бабушка, как самая старшая, взвалила на себя весь груз ответственности за младших и помогала маме как и чем

могла. Жертва и спасатель – её главные роли в жизни. Для окружения – добрейшей души женщина. Но то напряжение, злость, которое она в себе носила и носит до сих пор, а ей на данный момент девяносто пять лет, всегда чувствовались нами – самыми близкими.

Своему любимому сыну она старалась создать другие условия, дать ему другое воспитание. Продолжая взваливать всё на себя, она не заметила, что вырастила инфантильного и психологически незрелого человека. Сепарация между ними так и не произошла, она до сих пор относится к сыну как к маленькому мальчику. Сноху (мою маму) она невзлюбила сразу, поведение сына в отношении её оправдывала – сама виновата, провоцирует. Со мной и Пашей всегда была холодна и высокомерна, принижая и высмеивая какие-либо наши достижения. С ней было очень тяжело разговаривать. Я всегда ощущала её раздражение.

У бабушки есть ещё дочь, она старше моего папы на три года. Папина сестра выходила пять раз замуж. Большую часть своей жизни она не работала: занималась домашними делами, рукоделием и дачей. Очень хорошо вяжет и шьёт, иногда берёт заказы. Любит выпить, и компания ей для этого не нужна. От первого брака у неё родился сын, от пятого – дочь.

Сыном тётя не занималась, вела праздную жизнь. Все заботы о нём взяла на себя бабушка Маруся. Она заменила Валентину маму, пока дочь устраивала свою личную жизнь и

развлекалась.

К Валентину бабушка всегда относилась трепетно и с любовью. Всегда за него переживала, особенно когда его, солдата срочной службы, отправили на Первую чеченскую войну. Тогда, конечно, мы все волновались за него. Валентин пришёл с войны целым и невредимым, женился, устроился в строительную компанию к своему отчиму (пятому мужу матери).

С женой у Валентина отношения были бурными: ссоры, драки, ревность, алкоголь. Жена обращалась многократно в полицию с заявлениями о побоях. Но этим дело не закончилось, однажды ею было подано заявление на изнасилование, которое в дальнейшем не было доказано. Но Валентина всё равно привлекли к уголовной ответственности. После окончания срока он ещё раз женился, но этот брак из-за его частых измен был недолгим. Сейчас он живёт в третьем неофициальном браке и злоупотребляет алкоголем. Детей у него нет.

Дочь папиной сестры образованная девушка и любит путешествовать. Живёт с родителями и категорически против брачных уз и детей. Она честна с собой и не боится осуждения со стороны за такую твёрдую позицию.

Между членами семьи никогда не было близости и теплоты. Всегда дистанция, общение на уровне «привет-пока». Когда собираются вместе, осуждают и критикуют друг друга – и это для них норма.

Мне неизвестно из какой семьи был дедушка Паша. Какие именно были отношения между ним и бабушкой Марусей. Почему у их детей сформировалась алкогольная зависимость и инфантильность. Возможно, когда-нибудь я решусь поговорить с бабушкой Марусей, задам ей вопросы. Может быть, она ответит мне, прольёт свет на загадки, которых в этой семье много, но никто не готов говорить на подобные темы, все боятся смотреть правде в глаза.

Глава 4. Мамина семья

Моим спасением были мамыны родители, которые жили от нас неподалёку. Их дом – это мир покоя, заботы и любви. Бабушка и дедушка ассоциируются у меня с безопасностью, домашним уютом и навсегда останутся самыми лучшими воспоминаниями о детстве.

Именно бабушка с дедушкой с маминой стороны заложили во мне пример тёплого семейного очага, показали, как может быть уютно, хорошо и спокойно рядом с близкими.

Домик, в котором они жили, был небольшой, но светлый и чистый. По центру стояла маленькая печурка, вокруг неё можно играть в догонялки. Зал от кухни ограждён бельевым шкафом и шторкой, там стоял небольшой диван, две металлические красивые кровати на высоких ножках, украшенные кружевными подзорами², чёрно-белый телевизор на комоде, радио на журнальном столике, большой стол, за которым очень часто собирались дети и внуки, а на входе в дом

² Белая ткань, к которой пришиты кружева (прим. автора).

стоял большой сундук.

Кухня была крохотной, в ней еле помещался стол с двумя стульями, газовая плита и кухонный комод, поэтому готовили по очереди. Бабушка могла варить суп, а дедушка печь вкуснейшие оладушки и готовить так называемую «нужду»³, казалось бы, несочетаемые ингредиенты, но дедушка готовил со всей любовью, необыкновенный вкус его блюд я помню до сих пор.

Бабушка с дедушкой были добрыми, искренними, отзывчивыми и в то же время весёлыми и юморными. Часто шутили, по-доброму подтрунивали друг над другом, пели частушки. Отношения между ними и ко мне глушили мои переживания, залечивали мои раны. Все мои тревоги и печаль мигом испарялись. Рядом с ними я превращалась в обычную маленькую девочку Аню – добрую, милую, беззаботную и... счастливую.

Помню, как дедушка пел:

*«Эх, Степановна,
Моя ты крошечка,
Да я пришёл к тебе,
Да под окошечко».*

А бабушка ему в ответ:

*«Чай пила, чай пила,
Пикнула гармошка,
Я и чай не допила,*

³ Тушёная картошка с луком и макаронами на воде (прим. автора).

Прыгнула в окошко!»

А ещё дедушкиной любимой песней была «Семёновна». Столько лет прошло, но я до сих пор помню слова:

Ты, Семёновна,

Девка модная,

Купила часики,

Сама голодная.

А Семёновна,

Больно гордая.

Сиськи мягкие,

Жопа твёрдая.

Ой, Семёновна,

Моя крошечка,

Я пришёл к тебе

Под окошечко.

Ко мне Семёновна

Прислонилась —

Юбка новая

Загрязнилась.

Ой, Семёновна,

Баба грешная.

А мне жаль тебя,

Моя сердешная!

Как Семёновну

Я и так, и сяк.

А мне Семёновна

Не даёт ни как...

И так далее: где то с матом, где то со свистом дедуля артистично и смеясь напевал, а бабушка приплясывая подпевала.

Дедушка с бабушкой были совершенно разные и по характеру, и по личным качествам, но в то же время гармонично дополняли друг друга, заряжая окружающих позитивом и хорошим настроением.

О бабушке вот что могу сказать: сильная, волевая, смелая, честная, с густыми чёрными волосами, невысокого роста, плотного телосложения. Судьба бабушки была непростой. Она очень рано осталась без родителей: мама умерла, когда бабушке было восемнадцать лет, случилось это неожиданно после рождения младшего бабушкиного брата, в это же время с фронта пришла весть, что её папа и старший брат погибли на войне. Совсем юная она осталась с новорождённым братом и четырьмя сестрёнками-погодками, о которых старалась заботиться. Но брат умер не прожив и года. Похороны мамы, а потом и маленького брата легли на её хрупкие плечи. Война, голод, нужда, болезни и неизвестность. Чтобы хоть как-то прокормить своих сестёр, бабушка пошла работать в колхоз, где за кусок хлеба наравне со взрослыми помогала лесорубам рубить сучки, в поле жала лён, пшеницу и рожь, выучилась на тракториста и распахивала колхозные земли.

Военное время и те трудности, которые судьба преподнесла бабушке, закалили её, она не просто выжила сама, а суме-

ла пережить утрату родителей и братьев и при этом позаботиться о своих младших сёстрах. Нелёгкая жизнь навсегда оставила неизгладимый след на судьбе и характере бабушки, но вопреки всем жизненным тягестям она сумела устроить свою личную жизнь.

В молодости бабушка любила красивые и модные вещи, которые покупала, но чаще всего не носила, а аккуратно хранила в сундуках. Любимым бабушкиным занятием было вязание. Она стирала, вычёсывала овечью шерсть, пряла из неё пряжу, при помощи веретена скручивала её в нитки и вязала всем носки, рукавицы, кофты, шарфы. Из тонкой пряжи она вязала красивые ажурные шали. А особой её гордостью были подзоры – из обычных белых швейных ниток она крючком создавала шикарные узоры и потом получившееся ажурное полотно пришивала к белой ткани.

Тяжёлая жизнь в военные годы, а также вечный советский дефицит воспитали в ней бережливость. У неё всегда и всего было с огромным запасом. Это касалось и вещей, и продуктов. Помню, в кладовке стояли мешки с сахаром, макаронами и мукой, сундуки с новыми подушками, одеялами, платьями, тканями и прочим.

Много позже я с мамой после смерти бабушки разбирала её бережно уложенные вещи, на которых были бирки и стойкий запах нафталина, так напоминавший о ней – о моей любимой, доброй и ласковой бабушке.

Бабушка, *моя бабулечка*, как же мне иногда не хватает

твоих крепких объятий, твоей доброты, искренности и покоя. Память о тебе и твоей заботе придаёт мне сил справиться с тем, что выпало на мою долю.

С дедушкой бабушка познакомилась уже ближе к тридцати годам. Он был младше её на девять лет. Немного выше своей жены, коренастый, озорной, прихрамывающий (когда работал в лесу, разрубил топором сухожилие на ноге) весельчак Мишка. Дедушка влюбился в бабушку с первого взгляда и, несмотря на большую разницу в возрасте и её жёсткий характер, окружил её своею любовью и заботой.

Дедушка рос в полной семье вместе с братом и двумя сёстрами. До Великой Отечественной войны успел закончить два класса, но потом вынужден был работать, помогать своему папе валить лес. Семья дедушки была дружной и любящей, что воспитало в нём прочную основу правильных жизненных ценностей и убеждений, заложило фундамент для крепкой и счастливой семьи.

Зимой дедушка очень любил ходить на рыбалку: шапка-ушанка на голове, толстый, связанный бабушкой, коричневый свитер из овечьей шерсти, поверх него фуфайка на плечах, на ногах – серые штаны-ватники и валенки с галошами, в руках – деревянный ящик с рыболовными снастями и металлический ледобур для проделывания лунок во льду. Из наловленной рыбы бабушка варила вкусную уху, а дедушка натирал её солью, нанизывал на длинную проволоку и подвешивал зимой у печки, а летом в предбаннике.

Летом дедушка с радостью ходил в лес за грибами. Всегда возвращался с полными корзинками, где шляпка к шляпке, ножка к ножке, уже максимально очищенные в лесу, аккуратно лежали белые, красные и многие другие грибочки.

Семейная жизнь бабушки с дедушкой была разной, приходилось много работать. В молодости дедушка выпивал, часто ввязывался в драки, а бабушка со штaketником бежала разнимать выпивших дерущихся мужчин. Она делала это смело и всегда вытаскивала деда из этих неурядиц. Несколько раз бабушка спасла его от серьёзных травм.

Но несмотря на разные неурядицы, они очень любили друг друга.

У них было трое детей: Валечка, через четыре года родился Толик, а ещё меньше чем через год – Олечка, моя мама. Она появилась не запланировано и раньше срока. Бабушка после рождения сына не заметила такого скорого наступления очередной беременности. Мама родилась болезненной, отнимала много сил и времени, поэтому бабушке пришлось переключиться на неё от крепкого, красивого, кучерявого, черноглазого, похожего на цыганёнка сынишки, который завоевал её сердце навсегда. Уже немолодой бабушке было тяжело с двумя малолетними детьми, один из которых очень проблемный. Бабушка не скрывала своего раздражения в отношении моей мамы всю оставшуюся жизнь. Дедушка же, напротив, очень любил младшую дочь, жалел и во всём поддерживал.

Помимо этих трёх беременностей у бабушки было ещё одиннадцать, которые завершились подпольными абортами. Бабушка всегда очень легко и спокойно рассказывала об этом. Тогда, будучи ребёнком, я считала, что это нормальное, естественное для каждой женщины явление.

Валечка, закончив восемь классов, уехала в подмосковье к родственникам и устроилась работать в комбинат «Красное знамя» ленточницей. В восемнадцать лет вышла замуж за местного двадцатиоднолетнего красавца и в девятнадцать родила сына. Через четыре года в этой семье появилась дочурка. Муж моей тёти выпивал, а порой и поднимал на неё руку. Детей своих он не трогал – любил, особенно дочку. Всегда хорошо к ней относился, отцовским вниманием девочка обделена не была. Однажды он избил свою жену до сильнейшего сотрясения мозга. А она простила его. Уходить от него ей было очень страшно. Терпела, проглатывала обиды, сглаживала острые углы, переводя всё на шутку. Помимо двух первых беременностей было ещё четыре, которые завершились абортами. О них тётушка говорит так же легко и непринуждённо, как и её мама, моя бабушка.

Их старший сын Олег, мой двоюродный брат, хронический алкоголик, работает только до зарплаты, таким образом сменил уже огромное количество предприятий. В двадцать с небольшим он сам стал папой. Мама родившегося малыша была асоциальной, пьющей женщиной и вскоре после родов умерла. Сына Олег принёс своим родителям, а сам занимал-

ся личной жизнью.

Помню, тётя Валя рассказывала, как им было сложно с новорождённым грудным ребёнком. Особенно в самом начале, потому что они были абсолютно не готовы к такому обстоятельству. Смеси, пелёнки, бессонные ночи навалились на них, но они справились. Выкормили, выучили, воспитали и постарались заменить этому мальчику родителей, отец которого так и не принимает никакого участия в его жизни.

Дочь Наталья весёлая хохотушка. В её первом браке повторялись сюжеты с алкоголем и побоями, как у родителей. С малолетней дочуркой на руках ушла от мужа к родителям. Сейчас Наталья снова замужем, счастлива и родила ещё одну прекрасную дочку.

«Цыганёнок» Толик, мой дядя, после окончания восьми классов устроился в леспромхоз и помогал своему отцу, моему дедушке, валить деревья. В девятнадцать лет женился на приехавшей в наш посёлок по распределению медичке. Их молодую семью настигло страшное горе: первой малышке Танечке не суждено было прожить больше годика – её настиг «синдром внезапной смерти». Горе было неопишваемым. Примерно через два года у них появилась вторая дочь Олеся, а ещё через семь лет – Маша.

Дядя Толя был очень весёлым, озорным, любил пошутить, быть в центре внимания и алкоголь. Доходило до того, что он пропивал все деньги и продукты. Но ближе к пенсионному возрасту пить перестал и стал заниматься пчеловодством. К

жене своей относился хорошо, с уважением, младшую Машеньку любил, а вот Олеся не повезло. Она была красной тряпкой для разъярённого быка. Ей, бедной девочке, всегда доставалось от отца. Однажды (это было при мне) дядя Толя замешивал в тазике мясной фарш руками, Олеся проходила мимо, он начал говорить дочери какие-то обидные слова, на которые та не смогла промолчать, и тут же в лицо ей прилетело с огромной силой перекрученное, холодное, липкое мясо. Так и прошло её детство: в унижении, оскорблении, побоях от самого близкого человека – отца.

Когда Олеся повзрослела и вышла замуж, её муж оказался страшным тираном, он избивал её до сотрясения мозга. Но по другому и быть не могло, к сожалению. Роль отца в жизни дочери очень важна. Олеся, прожив достаточно много лет в насилии, нашла силы развестись. Теперь она снова замужем и у неё двое детей.

У Маши всё значительно лучше. Она была любима и признаваема обоими родителями. После медицинского училища вышла замуж и родила двоих сыновей.

Оленька, моя мама, так как родилась раньше срока, часто болела. Но несмотря на это она была очень активным ребёнком, принимала участие во всех мероприятиях школы, ходила в походы, выступала на концертах. После окончания школы она уехала в областной центр и поступила в колледж культуры.

Невооружённым взглядом видно, что каждый ребёнок так

или иначе повторяет сценарий, который был для него примером всё детство – отношения его родителей. Подсознательно выбирает себе в партнёры человека, который отражает все качества родителя, как в зеркале. Если у девочки перед глазами отец-тиран, который поднимает руку на мать, немудрено, что в мужья она себе выберет того, кто будет унижать её морально и физически. Если у мальчика перед глазами мать-алкоголик, больше вероятности, что и жена будет любить выпить. Сценарии, когда родитель одному ребёнку недодаёт – внимания, заботы, любви, а второму, напротив, передаёт, выливаются на обоих детях: один недолюбленный ищет недостающее в своём партнёре, а другой не может самостоятельно существовать, ведь в его жизни всё делали за него.

Что касается моих бабушки с дедушкой: в моей памяти они сплочённые между собой. Ведь все домашние дела они при возможности делали сообща: дедушка подносил ящики с рассадой, бабушка высаживала в грядки; дедушка нёс тапки с постиранным бельём на речку, бабушка с плотика полоскала. Я любила наблюдать за тем, как слаженно и дружно у них всё получается. Может быть, и возникали между ними ссоры, но я их не помню.

Безусловно, кому-то из детей они дали больше любви и заботы, кому-то меньше. И это сыграло немаловажную роль в том, какими их дети выросли, какого партнёра себе выбрали, какую семью создали, как относились к своим детям.

К сожалению, когда-нибудь кому-то в роду рано или позд-

но придётся взять на себя ответственность и разорвать этот порочный круг. Да, это будет болезненно, да, это выход из зоны комфорта, да, жена-алкоголик и муж-тиран – это тоже в каком-то роде комфорт, к которому привыкаешь, приспосабливаешься.

Конечно, я помню не только плохое. Иногда в моей памяти всплывают и хорошие моменты. Например, почти каждое лето в гости к бабушке с дедушкой приезжала из Москвы их старшая дочь с мужем и детьми. Я всегда ждала их приезда с нетерпением. С тётёй Валей было легко, весело и можно часами разговаривать обо всём. К тому же, она всегда привозила с собой множество модных, красивых нарядов, из которых вырастала её дочь Наташа. Мы часто собирались все вместе за столом в зале, с азартом играли в русское лото – было очень весело. Ни ссор, ни споров, ни обид.

Значительно позже, когда бабушка заболела и слегла, дедушка терпеливо за ней ухаживал. Кормил её с ложечки, проводил все водные процедуры, в обязательном порядке делал с ней упражнения: «велосипед» ногами, «ножницы» руками – это особенно умиляло и смешило, потому что делалось с заботой и на позитиве, переворачивал её с боку на бок, чтобы не образовались пролежни, и читал вслух газеты.

Тогда маленькая я не понимала, что это – красивая и истинная любовь. Любовь между ними и к жизни в целом, в каждом слове и деле. Это было что-то такое сильное и трепетное. Дома между родителями такого я не видела.

А как же я ощущала любовь бабушки и дедушки ко мне! Когда я оставалась у них ночевать и мы ложились спать, бабушка грела мои ножки своими ногами и рассказывала сказку про медведя с липовой ногой. Когда я болела, она ставила мне горчичники и лечила своим фирменным лекарством: стебли алоэ мелко нарезала, смешивала с мёдом и заливала всё водкой. Давала совсем по чуть-чуть, но вкус этого лечебного снадобья я помню до сих пор.

Так же бабушка терпеливо обучала меня вязать крючком и спицами. Временами мы втроём занимались рукоделием: бабушка пряла, дедушка работал веретеном и скручивал нитки в клубок, а я вязала, слушая их рассказы о своей молодости.

Отношения моих родителей были другими. Мама и папа жили одним днём. Сегодня деньги есть – завтра уже нет. Было то весело, то ссоры, то драки. В моменты безденежья родители знали, что бабушка им не даст денег даже взаймы, поэтому мама отправляла меня попросить у неё продуктов или денег.

Мне было стыдно перед бабушкой за родителей и стыдно просить, в такие моменты я хотела провалиться сквозь землю. Просто хотелось задержаться у бабушки с дедушкой и переждать, пока дома пройдёт ураган безденежья и скандалов. Бабушка злилась на маму, ворчала и выговаривала своё недовольство выбором дочери, расточительством родителей, но всегда давала мне и деньги, и продукты. При мне дедушка

с бабушкой обсуждали нашу семью, особенно моего отца, не скрывали негативные эмоции, не задумывались о моих чувствах в этот момент. Мне казалось, что, передавая просьбу родителей, я разрушаю наши тёплые взаимоотношения с бабушкой и дедом, так как их это омрачало и раздражало. Мне было страшно, что вскоре они будут уже злиться и на меня.

Бабушка ушла из жизни первая. Помню, в этот день мы приехали к папе на пятидесятилетний юбилей. Осень. Сентябрь. Папа, мой муж, брат Паша, двоюродный брат Валентин и папин друг отправились на охоту, проверить бобринные плотины и бобров. Я, мама и Пашина девушка накрывали на праздничный стол. Бабушке Тане уже вторые сутки нездоровилось, было очень низкое давление и она ничего не ела. Мы с мамой каждый час ходили к ней и проверяли, помогали дедушке.

Ощущения праздника не было.

Охотники вернулись домой еле стоявшими на ногах от чрезмерно выпитого алкоголя, ну и, конечно же, без бобров. На них невозможно было смотреть без отвращения. Они падали, вставали, икали, несли всякую чепуху. Праздник продолжался – для них. Но не для нас с мамой.

Ближе к полуночи к нам пришёл дедушка, молча сел в прихожей в кресло и, опустив голову, горько сказал: «Всё».

Дедушка грел воду в больших ведрах кипятильником, мама мыла бабушку, а я помогала. После того как мы её вымыли, дедушка достал приготовленные для этого случая ве-

щи: новый ситцевый халат на пуговицах, тёплую кофточку, коричневые хлопчатобумажные чулки, тёплые тапочки, платок. Я сидела на полу и перебирала аккуратно сложенные бабушкой вещи, которые мы должны были на неё надеть.

Я заметила маленький бумажный свёрток, в котором лежала цепочка, а на ней висел крестик. Эту цепочку я в семь лет связала крючком из золотистых капроновых ниток. Помню, тогда бабушка села рядом со мной, дала в руки тоненький металлический крючок, нитки и сказала: «Нюра (а бабушка часто называла меня именно так), свяжи мне длинную цепочку из этих ниток, чтоб через голову хорошо можно было надеть. Когда я умру, ты мне её легко наденешь и вспомнишь, как я тебя об этом просила». Сказала она это и заплакала. Я же, будучи ребёнком, не понимала тогда её слёз, а только с радостью, старательно вывязывая каждую петельку, исполняла просьбу. Стоит ли говорить о том, какие эмоции я испытала, держа в руках эту цепочку, сидя рядом с гробом бабушки? Я снова ощутила себя той маленькой Анечкой, которая сидела рядом с любимой бабушкой и старательно вывязывала капроновые петельки крючком. Сколько же любви во мне в тот момент проснулось, нежности, благодарности к своим воспоминаниям о бабушке.

Дедушка прожил без бабушки чуть больше года. Он сильно по ней тосковал. Больше всего ему не хватало «его Танюшки» по вечерам. Когда не с кем было поговорить, поспоминать прожитые годы, когда некому было прочитать

свежую районную газету «Слава труду». Дедушка смело и открыто говорил о своей тоске, признавал её. Он не унывал, шутил, находил себе различные занятия, готовил, занимался огородом. А я наблюдала за ним и гордилась, что этот замечательный мужчина – мой дедушка. Сильный, мужественный, добрый, временами слабый, но живой. Он не дожил до своего дня рождения два дня, ему исполнилось бы семьдесят восемь лет.

Бабушка и дедушка любили меня, любили искренне. Я это чувствовала, знала. Даже сейчас, спустя много лет, когда их нет уже в живых, их любовь до сих пор живёт во мне приятным теплом, когда я вспоминаю о них.

Глава 5. Переезд и насилие в семье

В 1987 году, когда мне исполнилось шесть лет, наша семья переехала в соседний посёлок. Там же жили родители моей мамы. Точной причины переезда не знаю, но это было связано с папиной работой.

В этом посёлке нам дали дом на берегу небольшой лесной речушки. Нас с братом устроили в детский садик, маму приняли на работу помощником воспитателя в него же, а папа остался на должности участкового инспектора.

Домик, в котором мы поселились, был настолько маленьким, что мы друг другу мешали и постоянно от этого раздражались. В зале на небольшом диване спали мама с папой, за тоненькой перегородкой и шторкой вместо межкомнатной двери была наша с Пашей комната, в которой с трудом по-

мещалась двухъярусная кровать, ещё меньше нашей комнаты была кухня.

Несмотря на тесноту, папины коллеги, которые часто приезжали в гости, оставались ночевать у нас. Эти ночёвки всегда начинались застольем обязательно с алкоголем, а заканчивались скандалом между родителями. Мама была против приезда гостей, но всегда напоказ радушно их встречала и всё делала для того, чтобы они чувствовали себя как дома. Мама умело маскировала своё недовольство так, что окружающие даже и не подозревали о её настоящих чувствах. Ей было важно, что скажут и подумают о нашей семье другие. Когда гости разъезжались, дома разгорался скандал, мама выговаривала папе свои недовольства по этому поводу. Во время таких ссор они швыряли друг в друга претензии, оскорбления, а иногда и предметы. Мама кричала о своей жертвенности, которую ей приходилось проявлять перед гостями и которую папа не ценил, а ещё упрекала папу в том, что обесценивал её труд и старания, оскорблял и унижал.

Папа жил для себя и никогда не считался с нашими желаниями.

В один из приездов папиных друзей родители снова поругались. Тогда мама даже написала заявление на развод, но так и не довела дело до конца. Друзья приехали не с пустыми руками и не одни. Они привезли много продуктов, алкоголь, видеомагнитофон с кассетами и «девушек». По вечерам выпивали, отправляли нас с Пашей к себе в комнату спать, а

сами смотрели взрослые фильмы. Это сейчас я понимаю, что за звуки слышала тогда из телевизора за тоненькой стенкой и шторкой вместо двери. Гости находились у нас долго – почти неделю. А в один из дней мама пришла с работы и застала папу с друзьями и их девушками голыми в бане. Она плакала, кричала, схватила меня, и мы побежали к председателю леспромхоза. Ему мама принесла заявление на развод, которое через несколько дней по её просьбе было уничтожено. Мама очень много плакала, говорила, какой папа плохой, как он ей всю жизнь испортил и что я «вся в его породу» – такая же бессердечная.

Гости уехали. Папа протрезвел. Мама несколько дней с ним не разговаривала, а потом они помирились.

Поскольку дом был небольшой и спрятаться нам было некуда, мы с братом всегда становились невольными свидетелями всего происходящего. Мама никогда не уступала папе, спорила с ним, могла в ответ ударить. Несколько раз она разбивала ему лицо так, что приходилось накладывать швы.

Мама была вымотана такой жизнью. Конечно, ей было не до меня и тем более не до моих чувств. Отцу же было всё равно на нас всех – главное, чтобы ему не мешали жить.

Тогда у меня уже сформировалось негативное отношение к папе, я его боялась и тихо ненавидела – за отношение к маме и ко мне с братом. На маму я злилась – за её вспыльчивость, невозможность лишней раз промолчать, ведь многих ссор между ними можно было избежать, будь она немного

покладистей.

Я смотрела на ссоры родителей и делала выводы: лучше молчать в подобных ситуациях, ведь таким образом можно избежать многих проблем. Когда я вышла замуж, именно это и делала: молчала.

Однажды папа сильно избил маму. Во время очередного скандала меня дома не было, по какой причине они снова поругались, я не знаю. Обычно всегда в такие моменты папа находился под градусом, начинал унижать и оскорблять маму, неподобающе высказываясь о ней как о женщине, о её плохих родителях, о том, какая она ужасная хозяйка. Маму его слова сильно задевали, и она всегда остро реагировала, могла первая налететь на него с кулаками, тогда уже и папа не сдерживался. В тот день, скорее всего, так и произошло.

Когда я вернулась домой, мама лежала без движения на полу нашей маленькой кухни и тяжело дышала. Тело её было в ужасных кровоподтёках. Говорить она не могла, с усилием попросила меня позвать фельдшера из медпункта.

Папа в это время лежал на диване пьяный.

Тогда, увидев маму в таком состоянии, я настолько сильно испугалась за неё, что у меня бешено заколотилось сердце, ноги и руки стали ватными. Несколько секунд я стояла остолбеневшая от ужаса и не могла ни говорить, ни пошевелиться, просто смотрела на маму и не понимала, что происходит. В голове проносилось: а что, если мама сейчас умрёт? как мы с братом будем без неё? Стало безумно страшно отто-

го, что мы останемся с папой. Я, как во сне, не понимая, что делаю, добежала до медпункта, в котором фельдшером-акушером работала жена маминого брата. Я плакала и умоляла, чтобы тётя Нина поскорее спасла маму. Как же медленно, мне тогда казалось, она собирала свой медицинский чемоданчик и шла за мной. Не дожидаясь её, я убежала домой, к маме. А вдруг она уже не дышит...

Маме оказали медицинскую помощь, и ей стало лучше.

Обычно после ссор и рукоприкладства дома наступало затишье. Несколько дней мама обижалась на папу и держала дистанцию. В правоохранительные органы за помощью она никогда не обращалась, у неё была твёрдая уверенность, что там не поверят, ведь папа тоже один из них, да и выносить «сор из избы» было стыдно.

Что маме оставалось делать? Только рассказывать своим подругам о том кошмаре, который приходится терпеть дома, и оставаться в токсичных отношениях. Мамины родители всё замечали, переживали, открыто не любили зятя, но не вмешивались. Папины же родители жили за несколько километров от нас, много чего не знали, а если о каком-то происшествии узнавали, то всегда были на стороне своего сына.

Уже тогда я пообещала себе, что мои дети никогда не увидят меня в подобном состоянии – пьяную, с побоями от своего же мужа.

В эти страшные моменты пьяных домашних разборок Пашка пугался и плакал, а я либо сбегала к бабушке с де-

душкой, либо уходила в наш хлев и жаловалась свинье и беременной овечке, либо меня выслушивал мой самый верный и любимый друг – пёс Дик. Я часами могла сидеть возле его будки и разговаривать с ним.

О том, что моими друзьями были свинья, беременная овечка и собака, конечно, никто не знал. Уже тогда животные для меня были спасением от одиночества и душевной боли, моими молчаливыми друзьями, которые не способны предать и сделать больно. Они слушали мои мечты о том, что когда-нибудь у меня будет свой дом, любящая семья и обязательно домашние животные.

Мама от такой жизни стала часто болеть и в 1991 году легла в больницу. Я, десятилетняя девочка с мечтами о красивых куклах и волшебстве, была вынуждена погрузиться в домашние хлопоты. Уборка, готовка, присмотр за братом, уход за скотом. Конечно, я знала, как это всё делать, так как помогала маме, но я и подумать не могла, что вместо игр и уроков мне придётся самостоятельно справляться по хозяйству. На тот момент мне было страшно за маму, я боялась, что она может не вернуться. Мы с братом остались с отцом, к которому кроме страха и неприязни я ничего не испытывала. Я не чувствовала себя в безопасности рядом с ним.

Папа был рядом физически, но мыслями всегда далеко. В отсутствие мамы он стал каждый день приходить выпивший, и хотя я успевала сделать все домашние дела и выполнять домашние задания в школе, не пропускать уроки, он всё

равно был недоволен мною. Я очень старалась, хотела, чтобы папа заметил, какая я умница, сколько всего делаю, чтобы оценил, похвалил и разделил со мной эти обязанности, чтобы мы вместе их выполняли. Но отец всё воспринимал как должное, о чём он мне постоянно напоминал. От этого было очень обидно, я уходила к своим животным и, рассказывая им о несправедливости по отношению ко мне со стороны папы, горько плакала. Мои безмолвные друзья меня слушали, вот только обнять и посочувствовать не умели. А мне так хотелось, чтобы кто-нибудь меня прижал к себе и пожалел, сказал, что всё обязательно будет хорошо...

Пока мама находилась в больнице, у овечки появился кудрявенький, на тоненьких разъезжающихся ножках ягнёнок Яшка. Всё свободное время я проводила с овечкой и её малышом. С большой гордостью потом маме показывала Яшу. Ягнёнок вырос и стал солидным бараном. Его шерсть и шерсть его мамы шли на пряжу. Пришло время, их убили и пустили на мясо. Эта же участь постигла и свинку, которая жила с ними по соседству в хлеву. Жалко мне их было, я плакала, но родители объяснили, что так надо. Пёс Дик дожил до своей собачьей старости и умер. Для меня его смерть была большой потерей, ведь он был мне единственным другом.

Немного позже в посёлке освободился дом побольше, и наша семья переехала туда. Там у меня появилась своя комната – мой уголок, из которого я не торопилась выбирать-ся во внешний мир. Я была очень спокойной и застенчивой,

жила в своём мире, боялась, когда ко мне кто-то обращался даже с обычной просьбой. Особенно боялась взрослых, которые задавали мне какой-либо вопрос. «Аня, мама дома? Скажи ей, чтобы она на почту зашла», – говорила мне почтальонша, а у меня в этот момент замирало сердце, перехватывало дыхание и я краснела.

Я была удобным ребёнком для своих родителей, поскольку проводила время сама с собой. На родительских собраниях меня хвалили за самостоятельность, иногда мама даже приводила меня в пример Пашке, что было высшей наградой, и ради этого я продолжала вести себя примерно.

От самостоятельности один шаг до одиночества. Учитель литературы не решалась спрашивать меня на уроках и вызывать к доске, поскольку я настолько от этого впадала в ужас и цепенела, что она опасалась, будто я потеряю сознание. Этот страх выступления перед людьми сформировался оттого, что дома мне не позволяли высказывать своё мнение, а если я что-то говорила, то это считалось глупостью и обесценивалось. Я боялась быть осмеянной при всех, боялась, что об этом расскажут родителям, и они тоже будут смеяться надо мной.

В новом доме ссоры и драки родителей не прекратились. Был случай, который заставил нас с мамой очень сильно поволноваться. Когда в очередной раз папа напился и разразился скандал, он схватил своё охотничье ружьё двустволку и побежал с ним в баню, которая находилась под одной кры-

шей с домом. Он выкрикивал, что жить так больше не может и хочет застрелиться. Мама на это сказала ему в спину, чтобы не останавливался в задуманном.

Мы сидели с ней на кухне за столом и молчали, замерев в ожидании. Раздался громкий выстрел. Ещё какое-то время мы не могли двинуться с места. Мама всё же решила проверить обстановку в бане и позвала меня с собой, потому что одной туда идти ей было страшно. Открыв дверь, мы увидели сидящего папу на полу, обнимающего ружьё и горько плачущего.

Помню, как мне тогда было страшно и жутко. Я – девочка-подросток – нарисовала в своей голове ужасные картинки: мёртвое тело папы в бане, лужи крови, слёзы мамы, похороны. Хотелось плакать, но в то же время я ловила себя на мысли, что не испытываю жалости к отцу. Мало того, где-то в глубине души я была рада такому исходу. Как будто это будет означать свободу и спокойствие для нашей семьи.

Мама сама начала выпивать. У неё появились соответствующие подружки, с которыми можно было не только поделиться своим горем, но и выпить.

Помню, как-то летом она была в гостях у соседки, и они среди белого дня что-то там отмечали. Я пришла на кухню попить водички и увидела в окно, как мама еле-еле передвигается по заросшей травой тропинке от дома соседки к нашему. Она падала, вставала, долго стояла и пыталась понять, куда ей идти дальше. А я смотрела на эту картину и испыты-

вала к маме ненависть и неприязнь. Когда мама вошла в дом, я увидела, что её правая ладонь была вся в крови, видимо, во время очередного падения она сильно порезала руку об что-то острое. Она подошла ко мне и попросила перевязать ей рану. От неё воняло спиртным, она не могла ровно стоять на ногах, шаталась и искала, обо что бы опереться. Мне от этого образа мамы, который я видела в окно и теперь уже перед собой, было противно и мерзко.

Мне было не жалко её, было противно видеть, во что она превращается. Я отказалась перевязывать маме рану. Сказала, чтобы она обращалась за помощью к тем, с кем пила. Мама начала плакать, кричать, что я ужасная дочь, злая и бессердечная, вся в отцовскую породу.

В слезах я убежала из дома. Мне хотелось покинуть это место навсегда.

Я пошла на дискотеку в деревенский Дом культуры. В тот вечер я впервые попробовала алкоголь. Мне было пятнадцать лет. Да, тогда я понимала, что не хочу, чтобы мои дети видели меня в таком состоянии, в котором я видела своих родителей. Но мне хотелось заглушить боль внутри. Конечно, это было нелепым оправданием, я знала тогда и знаю теперь.

Это было не единственным разом. Я выпивала на каждой дискотеке в компании знакомых. Мне было хорошо, я чувствовала себя расслабленной, отречённой от домашних невзгод и уже не такой одинокой. Под действием алкоголя

я не чувствовала масштаба проблем и погружалась в другой мир – раскрепощённый и радужный.

Пройдёт ещё несколько лет до того момента, когда я всё осознаю и полностью откажусь от алкоголя. Мои будущие дети действительно никогда не увидят меня пьяной. Я выполняю обещание, данное маленькой себе.

Глава 6. Моя тайна

Неуверенность в себе, страх общения со взрослыми, боязнь быть высмеянной и показаться глупой в глазах других, особенно в глазах своих родных, чуть не обернулись для меня фатальными последствиями.

Случилось это в очередной приезд папиных гостей. Как и обычно было организовано застолье со спиртным. Уезжать гости не торопились, знали, что останутся ночевать у нас. Застолье длилось долго, гости веселились.

Я тогда уснула быстро, хоть было и шумно. Проснулась оттого, что один из папиных гостей вошёл в мою комнату. Я не успела отреагировать. Я даже не поняла, как он оказался на моей постели.

Я оцепенела и могла только наблюдать за происходящим.

Ему было около сорока лет, невысокого роста, с лысиной и «пивным» животом, в майке-тельняшке, ситцевых семейных трусах, и от него сильно несло спиртным. Я знала его. Он работал с папой в милиции и часто приезжал к нам в гости. А он знал, что мне всего лишь пятнадцать лет.

В комнате был полумрак, и я видела, что папин гость за-

метил, что я проснулась и наблюдаю за ним. В тот момент я подумала, что он просто ошибся и случайно вошёл в мою комнату.

Но он не собирался уходить... Глядя на меня, подошёл к моей кровати и присел рядом. В этот момент я в оцепенении ждала, что будет дальше. Папин гость взял мою руку и засунул себе в трусы. Его действия были для меня полной неожиданностью. Моя рука наткнулась на его гениталии, и от этого я очнулась, пришла в себя. Я понимала, что должна закричать, позвать на помощь, но сделать этого не могла. Мне было стыдно и страшно. Я думала, что мне не поверят.

Я, как ошпаренная кипятком, резко отдернула свою руку и отсела от него подальше. Требовательно сказала ему, чтобы он шёл спать. Гость не ожидал такой реакции от меня, но встал и вышел из комнаты. Такой реакции и я от себя не ожидала. После этого долго лежала в кровати и боялась уснуть, прислушиваясь к каждому шороху в доме.

Наутро я не могла поднять глаза на родителей и на папиных гостей, ни с кем не разговаривала. Я знала, что не сделала ничего такого, за что мне должно быть стыдно. А ещё я прекрасно понимала, что могло произойти этой ночью.

Это меня напугало, но я всё равно молчала и никому ничего не рассказывала. Меньше всего мне хотелось быть осмеянной и неправильно понятой. Уверена, если бы папа об этом узнал, сказал бы мне, что я сама во всём виновата. Он всегда обесценивал всё, что я делала, и переворачивал так,

что я испытывала чувство вины за свои поступки.

С тех пор я больше ни разу не видела папиного друга у нас в гостях. Мне известно, что он продолжал работать в милиции и был там на хорошем счету.

Глава 7. Первая любовь

В подростковом возрасте мальчики начали обращать на меня внимание: предлагать свою дружбу, звать на свидания, на танцах приглашать на медляки, провожать до дома.

Но мне тогда нравился высокий черноглазый брюнет Андрюшка. И эта симпатия была взаимная. С детского садика нас дразнили «жених и невеста». Даже наши кровати стояли рядом, и весь тихий час мы разговаривали и смеялись. Воспитатели нас меняли с кем-нибудь местами, чтобы предотвратить это общение, но ничего не помогало.

Андрей был мой ровесник, но в школу его отдали на год позже: его мама работала учителем начальных классов и решила, что сыну надо ещё годик посидеть дома.

Мы оба знали, что очень нравимся друг другу, но боялись подойти и признаться. Такая у нас была молчаливая любовь.

Когда я училась в девятом классе, а он в восьмом, мы участвовали в соревнованиях по лыжам. Учитель физкультуры собрал группу школьников, кто неплохо управлял лыжами, договорился с районным центром о нашем участии в соревнованиях и выпросил у леспромхоза автобус.

Я очень хорошо запомнила тот день. Мы с Андреем в той поездке много времени провели вместе, а на обратном

пути из райцентра сидели рядом в автобусе. Почувствовав усталость от раннего подъёма, от лыжных катаний по лесной лыжне, а может, это было наслаждение от того, что любимый мальчик сидит рядом, я навалилась на его плечо и уснула. Сквозь сон почувствовала, как он приобнял меня рукой и ещё теснее прижал к себе. В тот момент мне не хотелось, чтобы эта поездка заканчивалась.

После девятого класса Андрей поступил в Лесопромышленный колледж. Лето – самое романтичное и последнее перед его отъездом – мы провели вместе. Много гуляли, разговаривали обо всём на свете, мечтали, танцевали медляки под наши любимые «Don't Speak» и «Колечко» Иванушек. Тем летом мы впервые поцеловались. Отношения у нас были чистые, искренние, тёплые, без пошлости. Это была моя первая осознанная и чистая любовь к мужчине, воспоминания о которой я сохраню на всю жизнь. Тогда мне казалось, что эта любовь раз и навсегда...

Наступила осень – время расставаний. Каникулы подошли к концу. Я перешла в одиннадцатый класс, а Андрей уехал учиться в областной центр. Тяжело было расставаться: я плакала и грустила. Он, со слов его мамы, был злым и раздражённым. Мы скучали, писали друг другу письма, ждали очередных летних каникул. Но нашим отношениям не суждено было продолжиться.

Сначала писем от него было много: тёплых, волнующих и страстных. Я с нетерпением и трепетом ждала каждое. По-

лучив в руки конверт, письмо из него читала на ходу. Но потом послания от него стали приходить всё реже и реже, да и чувствовалась в них какая-то прохлада.

В конце учебного года, в один из тёплых солнечных майских дней, я получила письмо, разрушившее мою жизнь. Оно было от Андрея, и там он сообщил, что между нами всё кончено. Написал, что больше меня не любит. Причину нашего расставания он мне так и не сказал.

На каникулы Андрей приехал совершенно другим. Наши общие знакомые тогда мне рассказали, что он в течение учебного года встречался со своей одноклассницей, с которой учился в одном техникуме.

Меня Андрей избегал, и я от этого очень страдала.

Тогда я впервые по-настоящему осознала, что такое потеря и предательство. Как будто была отрезана часть моего тела. Я не могла ни есть, ни спать, ни что-либо делать. Мне даже не хотелось жить. Я целыми днями лежала и плакала, слушая наши с ним любимые песни и вспоминая всё в мельчайших подробностях. Мне было так больно, что я даже обратилась к маме за помощью. Просила у неё таблетки от боли в сердце, мне казалось, что это именно оно так сильно болит. Но болела израненная предательством душа.

Мама дала мне настойку валерианы и сказала, чтобы я не выдумывала, что так страдать из-за парней глупо.

Одиночество меня накрывало, мне не с кем было разделить эту боль. Хотелось, чтобы мама крепко обняла, погла-

дила по голове, дала почувствовать её поддержку, заботу и любовь, помогла справиться с болью.

В то лето я собиралась поступать в училище и, чтобы заглушить душевные муки, ушла с головой в подготовку к вступительным экзаменам. Андрей же гулял со своей компанией, ходил на дискотеки, танцевал медляки с той одноклассницей.

Где-то в конце августа, перед новым учебным годом, девочки позвали меня на дискотеку. Но сначала мы зашли в гости к общему знакомому, у которого собралась вся наша местная молодёжь. Нас было много, все выпивали. И Андрей со своими друзьями тоже пришёл. Он смеялся, поддерживал со всеми разговор, но его взгляд был направлен только на меня. Я это чувствовала.

После домашних посиделок я, немного потанцевав в клубе, пошла домой. Всю дорогу думала о нём и представляла себе, как он догоняет меня, обнимает, целует, просит прощения. Дома я продолжила мечтать: представляла, что Андрей пришёл ко мне в гости, оставив своих друзей. В то лето я спала на веранде, и никто из домашних нам бы не помешал. Я включила магнитофон с любимой кассетой, расчесала и уложила аккуратно волосы, надела на себя мамину чёрную комбинацию, выключила свет и легла под тёплое одеяло. По крыше начал барабанить дождь, а из магнитофона лилась негромкая музыка. Я лежала и думала: вот бы Андрей пришёл, постучал в стену веранды. Вспомнила молитву «Отче

наш» и читала сквозь слёзы. Немного погрузилась в сон. И тут услышала тот самый стук в стену, который слёзно вымаливала.

Моё сердце ёкнуло и замерло, а затем с бешеной скоростью заколотилось. В горле пересохло, и я с трудом сглотнула.

Я не могла поверить, что Андрей пришёл. Немного полежала, пришла в себя, соскочила с кровати, наспех накинула халат и побежала открывать дверь. На улице было темно и шёл дождь. Андрея я не увидела. Расстроилась и решила, что мне всё это приснилось, но тут он выглянул из-за угла. Я готова была упасть в обморок от счастья, которое накрыло меня.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.